

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

4/411
Р-311

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ ПОЛИТИКАЖАМИ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ книжныхъ магазинахъ: Гг. Базунова, Свинникова, Щенкина, Лоскутова, Улятина, Салаева, Глазунова и въ Конторѣ типографіи Каткова и Комі.

1859.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

Въ Москвѣ безъ доставки . . . 3 р. с. въ годъ.
съ доставкою 4
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 4
съ пересылкою въ города . . . 5

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

СОДЕРЖАНИЕ: Становой. Разсказъ. Н. Полякова. — Ужипъ у Рашели. Статья Альфреда де Мюссе. — Свѣтское добродушіе (политикажъ). — Городская хроника «Развлеченія». Не Я. — Частныя объявленія. — Рисунки С. А. Любовникова.

СТАНОВОЙ.

I.

— Кузька Безпалый! Спиридонъ Ткачъ! Иванъ Безъимяный! Григорій Кулакъ! Семень Похлебкинъ! Андрей Водозовъ! Стенка Хотипъ!—Всѣ ли вы здѣсь?

— Всѣ, батюшка, Микалай Сергѣичъ, всѣ здѣсь.

— Хорошо; а Максимъ Большая-закуска здѣсь?

— Вотъ ошъ.

— Хорошо; а Митяй Кряжъ?

— Здѣсь, батюшка.

— Хорошо. Подойдите сюда ближе, — ближе; еще ближе. Такъ.... хорошо....

Такъ говорилъ господинъ среднихъ лѣтъ и средняго роста, владѣлецъ незаложеннаго сельца Кротовой Норки, — Николай Сергѣичъ Праздняковъ, сидя въ мягкихъ, обитыхъ французскимъ ситцемъ, креслахъ, на террасѣ своего загороднаго дома, затѣйливо обставленнаго цвѣтами и плющемъ въ различныхъ направленіяхъ. Дородная, и вмѣстѣ съ тѣмъ благовидная особа Николая Сергѣича, облоченная въ легкій халатъ изъ персидской матеріи, полуутопнувшая въ глубокихъ креслахъ, выражала самое блаженное состояніе. Николай Сергѣичъ, удостоверившись, что главные изъ числа крестьянъ его

всѣ здѣсь на лицо, взялъ со столика тетрадку печатныхъ листовъ, закурилъ гавайскую сигару и, живописно откинувъ голову, прикрытую красивою ермолкой, на спинку кресель, обратился къ крестьянамъ съ слѣдующею рѣчью:

— Видите ли, какъ я забочусь о вашемъ благосостояніи, не жалѣю ни трудовъ моихъ, ни собственного здоровья; трачу деньги; выписываю полезныя для сельскаго хозяйства книги, журналы, съ единственною цѣлью — улучшить, упростить, облегчить, упрочить земледѣліе и скотоводство. Понимаете ли вы, что я говорю вамъ?

— Какъ не понять, батюшка Микалай Сергѣичъ, — понимаемъ.

— Хорошо. А ты, Митяй Кряжъ, какъ грамотный и помысленнѣе другихъ, долженъ слушать внимательно, понимать, что говорятъ умные люди и, — учить и наставлять другихъ; ты долженъ служить примѣромъ.

— Слушаю, батюшка, Микалай Сергѣичъ, слушаю.

Николай Сергѣичъ курнулъ раза два или три прервосходной сигары, вынулъ ее изъ губъ и, приблизивъ къ лицу своему тетрадь, началъ читать: «Дѣятелями сельской производительности, по всѣмъ отраслямъ, суть естественныя силы, и цѣль всякой сельской промышленности достигается не иначе, какъ посредствомъ умѣнья воспользоваться ими.»

— Поняли ли вы то, что я сейчасъ прочиталъ вамъ?

— спросил Николай Сергѣичъ, опуская тетрадь, и приятно затягиваясь сигарнымъ дымомъ.

— Понятное дѣло, батюшка,—поняли, поняли. Отвѣчали крестьяне въ одинъ голосъ.

— Понимать-то вы понимаете, я это хорошо знаю, да только не исполняете; вотъ что худо-то. Почему, напримѣръ, вотъ хоть бы ты, Митяй, не заведешь у себя козь или свиной?—при твоёмъ хозяйствѣ и средствахъ, это возможно... ты долженъ служить утѣшительнымъ примѣромъ для цѣлаго общества. Заведи ты,—заведутъ: и Семень Похлебкинъ, и Максимъ Большая-закуска, и всѣ другіе. Козы могутъ давать вамъ шерсть, прекрасную кожу; свины—мясо, сало, кожу и щетину; а содержаіе ихъ не слишкомъ обременительно при порядочномъ хозяйствѣ,—не такъ ли?

— Такъ, батюшка, Микалай Сергѣичъ,—такъ.

— А если вы находите, что это именно такъ, въ такомъ случаѣ, совѣтъ мой долженъ быть примѣненъ къ дѣлу, а польза здѣсь очевидна.

— Очевидна, батюшка,—очевидна. Повторили крестьяне.

— Ну, продолжалъ Николай Сергѣичъ, выпуская съ особеннымъ вниманіемъ изо-рта тонкую струю сигарнаго дыма:—итакъ вы согласны съ моимъ воззрѣніемъ?

— Согласны, батюшка Микалай Сергѣичъ; всѣ согласны съ зрѣніемъ вашей милости, произнесли крестьяне хоромъ.

— Согласны? — повторилъ Николай Сергѣичъ; ну, значить, эта статья въ сторону. Теперь будемъ продолжать дальше. Съ этимъ словомъ, онъ началъ читать крестьянамъ статьи, относящіяся къ политической экономіи.

Долго-ли Николай Сергѣичъ читалъ, что вычиталъ, и въ какой степени поняли крестьяне его назидательное чтеніе,—мы не знаемъ; что же касается до крестьянина, сельца Кротовой Норки, Митяя Федотова Кряжъ, то онъ вернулся съ барскаго двора, крайне озабоченнымъ, вслѣдствіе чего, на всѣ вопросы сожительницы своей, Акиньи Фроловны, отвѣчалъ: «не твое дѣло, ты глупая баба,—молчи!»

Но, глупая баба, Акинья Фроловна Кряжъ, этимъ не удовольствовалась; она желала знать досконально, что происходило на барскомъ дворѣ.

— Зачѣмъ же ты на барскомъ дворѣ-то былъ? спрашивала она Митяя.

— Зачѣмъ? известно зачѣмъ—за дѣломъ....

— За какимъ дѣломъ?

— Ну-да велѣно, такъ и ходилъ....

— А зачѣмъ?

— Это ужъ дѣло наше....

— Не бойсь опять какія-нибудь вѣялки, да невѣсть какія лихія болѣсти?

— Баба, такъ баба и есть.

— А! смотри-ко-сь?

— Дура, какъ есть дура.

— Ништо! Вы умны съ своимъ бариниомъ-го.

— За молчи, Акинья!

— Ништо!—я правду говорю....

— Говорю:—молчи!

— Анъ вотъ не замолчу!

— Я-те говорю:—молчи!!... слушай Акинья, ты ка-рахтеръ мой знаешь?

— Знаю.

— А коли знаешь, такъ уймись, да знай свою печь, а меня тревожить не моги!

Знала ли Акинья Фроловна дѣйствительно самостоятельный характеръ сожителя своего Митяя Кряжъ, или удовольствовалась имсннн тѣмъ, что огромная печь, а съ нею вмѣстѣ и вся просторная, чистая, опрятная изба, съ пятью, крайне-довольными своимъ состояніемъ, бѣлокурыми, сытыми Кряжатами, предоставлялась въ ся полное неограниченное управленіе. Какъ бы то ни было, но только послѣ сказанныхъ Митяемъ словъ, она видимо успокоилась и, занялась дальнѣйшею уборкою избы, а Митяй Кряжъ, разсчитывающій уже будущія выгоды отъ выкормки поросятъ, растянулся на широкой лавкѣ, положилъ подъ департаментъ своихъ размышленій руки и,—заснулъ.

II.

На другой день, рано утромъ (это было въ воскресенье), Митяй Кряжъ, увлеченный чтеніемъ о политической экономіи и, согласно желанію Николая Сергѣича, заложилъ въ телѣгу лошадь и благополучно прибылъ въ городъ за покупкою поросятъ.

На обратномъ пути изъ города, Митяй Кряжъ повстрѣчался близъ заставы съ однимъ изъ своихъ земляковъ, котораго счелъ за непремѣнное пригласить въ ближайшій кабакъ, именуемый: *Растаня*, съ цѣлью sprysнуть купленныхъ имъ поросятъ.

Въ то самое время, какъ Митяй Кряжъ съ землякомъ sprysкивали покурку и вели рѣчь о политической экономіи, одинъ изъ поросятъ, находившихся въ мѣшкахъ на возу Митяя, отыскавъ въ области мѣшка небольшую прорѣху, просунулъ въ нее свою острокопечную голову, посредствомъ которой, образовавъ изъ прорѣхи порядочную дыру, освободился и задалъ съ телѣги — тягу.

Обстоятельство это дошло до свѣдѣнія Митяя Кряжъ уже тогда, когда онъ, убѣдившись словами земляка въ своемъ знаніи по части сельскаго хозяйства, въ томъ пунктѣ именно, что онъ мужикъ *умная голова, человекъ знающій*, и, sprysнувъ порядкомъ свою покурку, выходилъ изъ питейнаго, какъ-то особенно торжественно, въ

сознаніи собственного достоинства, которое находилъ въ немъ даже и самъ баринъ его Николай Сергѣичъ.

Первымъ движеніемъ Митяя Кряжа было обратиться къ постороннимъ людямъ съ распросами: не видалъ ли кто-либо изъ нихъ убѣжавшаго поросенка?

— Видѣли, видѣли, отвѣчали бывшіе на улицѣ люди: — его поймалъ казакъ и потащилъ къ становому въ квартиру.

— А зачѣмъ?

— А ктожь его знаетъ — зачѣмъ? знать такъ надобно.

И Митяй Кряжъ, поручивъ лошадь съ телѣгой и оставшихся поросятъ попеченію земляка, отправился къ становому выручить бѣглеца.

Здѣсь, въ эту минуту, мы сворачиваемъ съ проселочной на большую дорогу, то-есть обращаемся къ личности становаго, какъ къ средоточію нашего разказа.

Иванъ Ивановичъ, Подлецевичъ (фамилія, какъ сами видите, иностранная), онъ же и г-нъ стаповой, небольшого роста, не много плѣшивъ; съ темнорусыми, пріятно обернутыми къ ланитамъ бакенбардами; выразительными, съ небольшою поволокой темно-сѣрыми глазами, и очень правильнымъ красивымъ носомъ. Иванъ Ивановичъ къ фізіономіи своей имѣлъ вообще особенное уваженіе, находя въ ней будто-бы сходство съ фізіономіей одного изъ замѣчательнѣйшихъ царственныхъ особъ нашего времени.

Иванъ Ивановичъ въ обхожденіи съ людьми равными себѣ, и съ людьми, въ большей или меньшей степени ему подчиненными, — былъ любезнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ. Онъ имѣлъ голосъ довольно громкій, звучный, въ обыкновенное же время онъ говорилъ мягко, плавно, даже сладко и крайне-грамматически, а звука гортанныя, шепелеватыя, и въ особенности губныя, произносились съ необыкновеннымъ совершенствомъ.

Иванъ Ивановичъ былъ человѣкъ чрезвычайно внимательный; крайность вниманія его распространилась даже и на пищу братію, которой дозволялось проживать и ходить по вѣренному ему стану за подаваніемъ, не иначе какъ за опредѣленную пеню; вѣроятно въ оправданіе пословицы: «съ міру по ниткѣ — голому рубашка». Такого-то рода питочекъ у Ивана Ивановича собиралось очень и очень довольно: кто давалъ, на примѣръ, питочекъ, кто холстикъ, кто сѣнца или соломки возокъ, кто два-три полѣнца дровецъ, а кто и бревнышко; кто дарилъ мучкой, дегодькомъ, кто грибками, а кто и ягодами. Полѣнцы у Ивана Ивановича собирались въ саженьки и продавались на мѣстѣ за умѣренную цѣну, а всѣ прочіе продукты употреблялись при постояломъ дворѣ, содержимомъ Иваномъ Ивановичемъ при становой его квартирѣ, не для чего иного, какъ только ради привычки къ постояннымъ трудамъ и занятіямъ по долж-

ности. Изъ бревнышекъ же, впоследствии времени, у Ивана Ивановича образовался очень красивый домикъ на каменномъ фундаментѣ, покрытый тѣскомъ добродѣтельныхъ и неохотныхъ датѣлей, и, возбѣжаніе какихъ-либо могущихъ возникнуть со стороны недоброжелателей недоразумѣній, проданный имъ одному изъ частныхъ лицъ за хорошую цѣну.

III.

Иванъ Ивановичъ, по дѣламъ вѣреннаго ему стана, былъ человѣкъ заботливый и неусыпно дѣятельный. А сколько же и хлопотъ бывало ему, особенно въ зимнее время, съ этими мучными, длинными, нескончаемыми обозами на большихъ дорогахъ. Вездѣ надобно было присмотрѣть, разсудить, обсудить, потому что Иванъ Ивановичъ былъ врагомъ безпорядковъ. Попеченіе, стараніе и безкорыстіе были его девизомъ. Такъ, на примѣръ, ѣдетъ обозъ, длинный-предлинный, такъ что, кажется, ему и конца-то нѣтъ, а тутъ вдругъ съ проселочной дороги летятъ порожняки, и прямохонько-таки на обозъ; обозъ сбилъ. Крикъ, шумъ, драка! а неусыпно пекущійся, дѣятельный Иванъ Ивановичъ ужь и тутъ, точно изъ земли выросъ или съ неба упалъ.

— Стой! что такое? — закричить бывало Иванъ Ивановичъ.

При видѣ фуражки съ краснымъ околышкомъ, драка мгновенно прекращается; обозные бьютъ челою на обиду, причиненную обывательскими крестьянами, а крестьяне въ свою очередь на причиненныя имъ побой-обозными, и т. далѣе.

— Вотъ я васъ! говоритъ Иванъ Ивановичъ; нѣтъ, здѣсь онъ уже не говоритъ, здѣсь голосъ его гремитъ гласомъ трубнымъ, отъ котораго трепещутъ казаки, сотскіе и арестанты. Нужно помнить, что Иванъ Ивановичъ человѣкъ строгій и исполнительный.

— Понятыхъ! понятыхъ! кричитъ Иванъ Ивановичъ: — дѣла этого нельзя оставить безъ надлежащаго разбирательства, — криминальное дѣло; нужно произвести слѣдствіе! Эй, Крючковъ! за понятыми!

При словѣ: слѣдствіе, обозныхъ обдаетъ крещенскимъ морозомъ.

— Батюшка, отецъ ты нашъ, смилуйся! — вопіятъ обозные: — время нетерпящее, а унасъ полтора года подвѣдь!....

— А, время не терпящее! полтора года подвѣдь; а буйство заводитъ по дорогамъ, на это у васъ есть время? А!

— Отецъ ты нашъ, вѣдь не мы, а они на насъ....

— Хорошо. Вотъ мы сейчасъ разберемъ, кто правъ, кто виноватъ! Эй, Крючковъ, перениши ихъ вѣхъ!

И Крючковъ, писмоводитель Ивана Ивановича, выгнанный изъ службы за разныя художества, воспрещаемыя

закономъ, закоренѣлый подъячій и оберъ-плуть, между тѣмъ точный исполнитель приказаній Ивана Ивановича, ожидавшій этой статьи, какъ воронъ крови, или лучше сказать, какъ гробовщикъ, который, стоя у воротъ умирающаго богача, съ замираемъ сердца считаетъ всѣ минуты, ожидая сигнала, который извѣститъ его, что душа умирающаго отдѣлилась отъ тѣла, — Крючковъ, согласно приказанію Ивана Ивановича, положивъ поллиста бумаги на затылокъ стараго секретарскаго портфеля, доставшагося ему въ наследство по кривой линіи, начинаетъ катать привычной рукой мѣстное постановленіе.

Увидѣвъ эту операцію, обозные Ивану Ивановичу — въ ноги. Батюшка, отецъ родной, отпусти! Возьми, что слѣдуетъ, только отпусти!

— Какъ, взятки? взятки! — пѣтъ капальи, вы забудете у меня, какъ по дорогамъ буйнить!... Здѣсь уже, въ голосъ Иванъ Ивановича замѣтна въ пѣкоторой степени мягкость. Обозные между тѣмъ не перестаютъ умолять его, предлагая по гривнѣ съ брата. При этомъ Иванъ Ивановичъ невольно смягчается.

— Крючковъ, — говоритъ онъ писмоводителю; — распорядись съ ними!....

По учиненіи Крючковымъ надлежащаго съ обозными распоряженія, Иванъ Ивановичъ, сдѣлавъ обознымъ отеческое внушеніе о томъ, какъ должно жить и вести себя; жить мирно и человѣколюбиво, и никого не обижать, — разрѣшаетъ обознымъ продолжать путь свой далѣе. За тѣмъ, отдавши сотскимъ приказаніе слѣдить за проезжающими и соблюдать всѣ возможные мѣры къ прекращенію безпорядковъ, могущихъ произойти на большомъ дорожномъ пути, подкрѣпивъ приказаніе свое двугривеннымъ на водку, возвращается съ Крючковымъ въ ставовую квартиру.

IV.

Въ дѣлахъ, подлежащихъ суду гражданскому, Иванъ Ивановичъ мастерски умѣлъ находить точку опоры, и обладалъ особаго рода тактикой, въ совершенствѣ. Вотъ два случая, сохранившіеся въ моей памяти.

Въ одно утро приходитъ къ Ивану Ивановичу хорошій обыватель, стоявшій въ памятной книжкѣ Ивана Ивановича подъ № 2, имѣвшій во вѣренномъ станѣ Подледевича шелковую фабрику. Приходитъ и бьетъ Ивану Ивановичу челомъ о сыру землю.

— Здорово, дружище! Что ты?

— Отецъ родной! помоги, — погибаю!

— Садись, садись: въ чемъ дѣло?

— Такъ и такъ — говоритъ обыватель: сроки подошли по документамъ, платежи, — а капитала нѣтъ. Петля, какъ есть петля! помоги, какъ знаешь, — только выручи; какой ни на есть оборотъ, а сдѣлать надо-тъ!....

— Оборотъ! — Иванъ Ивановичъ задумался, прошелся по комнатѣ, погладилъ по бакепбардамъ и спросилъ:

— Приходо-расходныя книги есть?

— Есть.

— А долговыя?

— Есть.

— Надо ихъ уничтожить.

— Какимъ же способомъ?

— У тебя вѣрно есть гдѣ нибудь должники на городу?

— Есть! — Есть даже по книгамъ и такіе, какнхъ и на свѣтѣ нѣтъ.

— Это хорошо.

— А если жечь, книги-то? нельзя?

— Чудакъ, какъ можно жечь, ихъ надо потерять, да еще и потерять-то умно, чтобы было законное доказательство въ томъ, что ты дѣйствительно потерялъ ихъ.

— Какъ же тутъ поступить-то слѣдуетъ?

— Ступай домой, найми тройку лошадей, пригласи къ себѣ знакомыхъ, а еще лучше, если бы тутъ былъ кто нибудь и изъ кредиторовъ; скажи имъ, что ѣдешь за полученіемъ въ такой-то именно городъ; уложи товаръ и книги при нихъ же въ коробъ, завяжи, запечатай его и завтра же поѣзжай по большой дорогѣ на Брылево, да выѣхать-то такъ поровни, къ вечерку; объ остальномъ я позабочусь самъ.

На другой день хорошій обыватель № 2-й, уложивъ товаръ и книги въ коробъ, распрощался съ своими домашними и знакомыми и благополучно выѣхалъ по дорогѣ на Брылево.

По пріѣздѣ въ городъ П. — коробъ, хорошаго обывателя съ товаромъ и книгами оказался у повозки срѣзанымъ. Хорошій обыватель подалъ объявленіе; земская полиція сдѣлала розыскъ, и коробъ пайдень на дорогѣ, распоротымъ, по пи товара, заключавшагося пзъ пятидесяти кусковъ шелковой матеріи, а равно и книгъ, въ немъ уже не было; кѣмъ же это похищено, — неизвѣстно. Хорошій обыватель № 2 взялъ съ вышеозначеннаго объявленія формальную копию и возвратился въ мѣсто жительства, съ душевнымъ прискорбіемъ объявилъ кредиторамъ своимъ о врезанно постигшемъ его несчастіи. Дѣлать было печего, и кредиторы согласились разсрочить платежъ имъ долговой суммы хорошимъ обывателемъ, на три года. Это обстоятельство было очень полезно для хорошаго обывателя, и педурно для очищенія совѣсти Ивана Ивановича.

Въ другой разъ пріѣзжаетъ къ Ивану Ивановичу еще обыватель, стоявшій въ памятной книжкѣ подъ № 1-мъ, по имени Варваръ Софроновичъ. Варваръ Софроновичъ былъ человѣкъ не глупый и хорошо знакомый съ канцелярскими потребностями. Онъ бывало, къ годовымъ праздникамъ, Ивана Ивановича подаритъ, исправнику

отвезеть, засѣдателю и секретарю то же, да и низшей братіи съ форменными пуговицами не забудеть; сторожу, и тому дасгь, — дескать перовень случай, прійдется къ какой ни на есть бумагѣ печать приложить, такъ чтобы препятствія какого не было.

— Ваше благородіе, говоритъ Варваръ Софронычъ: помощи, какъ хочешь, а не то поссорюсь, и уѣду изъ твоего стапа вошь, и жить у тебя болѣ не хочу!

— Да что такое? въ чемъ дѣло-то? — спрашиваетъ Иванъ Ивановичъ?

— Я взялъ денегъ

— Это чудесно!

— Да вѣдь—взаймы

— Чтожь изъ этого?

— Какъ что изъ этого? изъ этого то, что надо будетъ документъ выдать?

— Какъ и водится

— Эхъ, баринъ, баринъ! Все это не то.

— Да что же растолкуйте, я васъ не понимаю?

— Я деньги взялъ, да отдать-то ихъ не хочу; человекъ, у кого я ихъ взялъ-то — зола, чистоганъ зола, а сказать, что не бралъ, — пельзя есть свидѣтели. Такъ вотъ не найдешь ли какой механики, чтобъ дѣло это такъ какъ-нибудь обработнствовать почище, чтобъ послѣ какой ни-на-есть проволоочки не было?

— А велика сумма?

— Десять тысячъ?

Иванъ Ивановичъ задумался.

— А вѣдь можно, — сказалъ Иванъ Ивановичъ, послѣ минутнаго размышленія.

— Ой — можно?!

— Можно только надо документъ выдать.,

— Какъ выдать!

— Непременно, безъ этого пельзя.

— Ну, да ужь сдѣлай, какъ знаешь, — десятокъ радужныхъ дамъ.

— Два.

— Много, баринъ! ну хонь — полтора?

— Два.

— А сдѣлаешь?

— Сдѣлаю.

— Идетъ! . . . Катай! — Брошу въ грязь, а ужь не отдамъ ему этихъ денегъ, — катай! только, знаешь, такъ, чтобы проволоочки-то не было; а если тамъ и скажутъ послѣ: дескать, подлецъ, плуть, али мошенникъ, такъ отъ евтова въ постель не слягу; мало ли что говорятъ Да, что ты, баринъ, задумался? — аль сумлеваснсья? — на вотъ, братъ, получай! только слынь, ты ужь такъ, знаешь, уестествуй-то хорошенько.

Говоря это, хорошій обыватель № 1-й выпнулъ изъ кармана пачку кредитныхъ билетовъ, и отщипалъ два десятка радужныхъ, которые привычною и опытною

рукой Ивана Ивановича переведены были искуснымъ образомъ, въ особенный его карманъ.

— Теперь документъ падо, — сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— Бумага со мной.

— Давайте. Иванъ Ивановичъ взялъ поданный ему листъ гербовой бумаги для написанія на пей векселя, и внимательно осмотрѣвъ, на оборотѣ ея сверху почистилъ слегка перочиннымъ пожичкомъ, потомъ тонкимъ стальнымъ перомъ по чпщенному мѣсту раскидалъ кое-гдѣ, едва примѣтныя и для самаго остраго зрѣнія, — точки. Окончивъ эту оперцію, Иванъ Ивановичъ посмотрѣлъ документъ на свѣтъ и съ удовольствіемъ произнесъ.

— Отлично вышло!

— Что же это такое будетъ? — спросилъ хорошій обыватель № 1-й

— А это уплата суммою въ 9850 рублей. Поняли?

— Да, вотъ она статья-то! Ну, ваше благородіе, видно ужь у тебя въ карманѣ-то самъ нечистый сидитъ! — при этомъ хорошій обыватель разразился необыкновеннымъ хохотомъ

Наконецъ документъ былъ окончательно написанъ и подписанъ, и даже выданъ хорошимъ обывателемъ своему кредитору, за стаканомъ шампанскаго, подъ веселую руку. Прошелъ срокъ, но платежъ и документъ поступилъ ко взысканію куда слѣдуетъ. Чтожь оказалось? а оказалось-то, что деньги десять тысячъ рублей, какъ означено въ документѣ, за включеніемъ ста пятидесяти рублей, хорошимъ обывателемъ кредитору его заплачены, въ чемъ и сдѣлана имъ, хорошимъ обывателемъ, на оборотѣ того документа надлежащая платежная надпись; которая по обзорѣнію документа оказалась вычищеною, и дѣло хорошаго обывателя № 1 кончилось тѣмъ, что кредиторъ его былъ оставленъ по суду въ подозрѣніи

И. Поляковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

УЖИИЪ У РАШЕЛИ.

(Статья Альфреда Мюссѣ.)

Госпожѣ X.

Прежде всего благодарю васъ, милостивая государыня и дорогая крестная мать моя, за письмо о любезной Полинь Гарсін, сообщенное мнѣ вами. Письмо это очень замѣчательно и очень мило; но что же скажу о васъ, которыя никогда не упускаете случая чѣмъ нибудь порадовать тѣхъ, которые васъ любятъ? Вы единственное существо въ мірѣ, созданное такимъ образомъ, которое я знаю.

Благодѣнія никогда не пропадаютъ; въ отвѣтъ на ваше письмо, хочу угостить васъ *ужинномъ у mademoiselle Рашели*, который васъ очень позабавитъ, если вы все

еще раздѣляете мое удивленіе къ этой восхитительной артисткѣ. Моя маленькая сцена единственно только для васъ, потому вопервыхъ, что эта благородная дѣвушка не навидитъ нескромностей; вовторыхъ потому, что съ тѣхъ поръ, какъ я иногда бываю у нея, выдумали столько глупостей и болтовни, что я рѣшился не говорить даже, что видѣлъ ее во французскомъ театрѣ.

Давали Танкреда въ этотъ вечеръ, и я во время антракта пошелъ сдѣлать ей маленькій комплиментъ на счетъ ея костюма, который былъ дѣйствительно очень милъ. Въ пятомъ актѣ она прочла свое письмо съ бѣльшимъ чувствомъ, чѣмъ когда-либо; послѣ она сама говорила мнѣ, что въ эту минуту она даже плакала, и чувствовала себя до того взволнованною, что боялась чтобъ голосъ ея не прервался. Въ десять часовъ, при выходѣ изъ театра, я случайно встрѣтился съ нею въ галлерейхъ Пале-Руайяля; она шла подъ-руку съ Феликсомъ Боинеромъ, и сопровождаемая цѣлымъ роемъ молодыхъ дѣвицъ, между которыми находились mademoiselle Дюбуа, mademoiselle Рабю изъ консерваторіи и проч.

Я ей поклонился; она отвѣчала мнѣ: «ко мнѣ—ужинать!»

И вотъ мы у нея. Грустный и раздосадованный встрѣчей, Бошеръ исчезъ; Рашель улыбнулась этому печальному исчезновенію. Садимся, пріятели дѣвицъ каждый рядомъ съ своей, а я подлѣ своей дорогой Фанфанъ. Послѣ нѣсколькихъ незначащихъ словъ, Рашель замѣтила, что она забыла всѣ свои перстни и браслеты въ театрѣ; она посылаетъ за ними кухарку.

Прислуги нѣтъ; кому же готовить ужинъ?

Рашель встаетъ, идетъ переодѣться, и отправляется на кухню. Черезъ четверть часа она возвращается въ спальнею капотъ, въ ночномъ чепцѣ, съ фуляромъ на головѣ, не много сбившемся на ухо, хороша, какъ ангелъ, держа въ рукѣ тарелку съ тремя кусками бифтекса, приготовленнаго ею. Она ставитъ тарелку на столъ, говоря: «угощайтесь». Сама же уходитъ опять въ кухню, и возвращается съ миской дымящагося бульона въ одной рукѣ и съ кострюлей шпината въ другой.—Вотъ и ужинъ! Ни тарелокъ, ни ложекъ, служанка унесла съ собой ключи. Рашель отворяетъ буфетъ, находитъ салатницу съ салатомъ, беретъ деревянную ложку, отрываетъ гдѣ-то тарелку, и начинаетъ ѣсть одна-одинохошкой.

— Но, говорить проголодавшаяся мать, на кухнѣ есть оловянные приборы.

Рашель бѣжитъ за ними, приноситъ, и раздаетъ гостямъ. Тутъ начинается слѣдующій разговоръ, изъ котораго вы можете видѣть, что я ничего не измѣняю.

— Мать. Душа, моя, твой бифтексъ слишкомъ не-режаренъ.

Рашель. Да; онъ жестокъ, какъ дерево. Во время оно, когда я сама занималась хозяйствомъ, я стряпала лучше. Однимъ талантомъ менѣе! Какъ быть! Съ одной стороны я потеряла, но съ другой выиграла.— Ты не ѣшь, Сара? (ея сестра).

САРА. Нѣтъ; я оловянными ложками не ѣмъ.

Рашель. О! такъ это съ тѣхъ поръ, какъ я, набереженные деньги, купила дюжину серебряныхъ приборовъ, ты больше не дотрогиваешься до оловянныхъ? Если я разбогатѣю, то тебѣ надо будетъ имѣть одного лакея сзади твоего стула, а другаго спереди. Что до меня, я никогда не разстанусь съ этими старыми приборами; они слишкомъ долго служили намъ. Не такъ ли, maman?

МАТЬ (съ полнымъ ртомъ). Какой ребенокъ!

Рашель (мнѣ). Представьте себѣ, когда я играла на Мольеровомъ театрѣ, у меня было только двѣ пары чулокъ, и каждое утро...

(Тутъ Сара, чтобъ помѣшать сестриной откровенности, принялась бормотать по-нѣмецки).

Рашель. По-нѣмецки не болтать! Въ этомъ нѣтъ стыда.—У меня было только двѣ пары чулокъ, и чтобъ играть вечеромъ на театрѣ, я принуждена была стирать пару каждое утро. Одна висѣла всегда на веревкѣ въ моей комнатѣ, а другая была на мнѣ.

Я. И вы сами занимались хозяйствомъ?

Рашель. Я вставала въ шесть часовъ, въ восемь всѣ постели были оправлены. Потомъ я уходила на рынокъ, закупить нужное на обѣдъ.

Я. Что же? вы не забывали себя при покупкахъ?

Рашель. Нѣтъ. Я была честная кухарка; не правда ли, maman?

МАТЬ. О! это истинная правда.

Рашель. Однако же, разъ я цѣлый мѣсяцъ была воровкой. Когда покупала на четыре су, присчитывала пять, а когда платила десять, прибавляла двѣнадцать. По окончаніи мѣсяца, я скопила такимъ образомъ сумму въ три франка.

Я (строго). А куда вы изволили дѣть эти три франка, сударыня?

МАТЬ (видя, что Рашель молчитъ). Monsieur, она купила на нихъ сочищенія Мольера.

Я. Въ самомъ дѣлѣ!

Рашель. Именно такъ. У меня уже былъ Корнель, Расинъ; мнѣ надобно же было и Мольера. Я купила его на свои три франка, и потомъ исповѣдала свой грѣхъ.—Зачѣмъ же mademoiselle Рабю уходитъ? прощайте, mademoiselle Рабю!

Три четверти *скупиныхъ, соскучась*, какъ и mademoiselle Рабю, ушли. Возвратившаяся служанка принесла забытые перстни и браслеты. Все это брошено на столъ два браслета превосходны, и стоятъ около 5,000 фран.;

при нихъ и золотая корона, большой цѣпы, Все это валяется на столѣ подлѣ салата, шинпата и оловянныхъ ложекъ.

Между тѣмъ, пораженный мыслию о хозяйствѣ, о кухнѣ, объ оправленныхъ постеляхъ, о всѣхъ утомленіяхъ убогой жизни, я смотрю на руки Рашели, съ опасеніемъ найдти ихъ грубыми, испорченными. Онѣ малы, бѣлы, иѣжны и мягки, съ топенькими какъ веретено, пальчиками, словомъ настоящія руки королевы.

Сара все еще не встѣ, а продолжаетъ ворчать что-то себѣ подъ-нось по-нѣмецки. Не мѣшаетъ знать, что она нынче утромъ куда-то слишкомъ далеко залетѣла отъ материнскаго гнѣзда, и получила прощенье и мѣсто за столомъ только по неотступнымъ просьбамъ сестры.

Рашель (въ отвѣтъ на нѣмецкое ворчанье). Ты мнѣ надоѣла. Я хочу рассказать свою молодость. Мнѣ теперь пришло на память, что однажды въ одной изъ этихъ оловянныхъ ложекъ я вздумала дѣлать пуншъ на свѣчѣ, а она у меня растаяла въ рукѣ. Кстати, Sophie! принеси-ка мнѣ киршу (родъ напитка). Мы сдѣлаемъ пуншъ. Ухъ! я сытехонька!

Кухарка принесла бутылку.

Мать. Sophie ошиблась. Это бутылка съ полынной водкой.

Я. Дайте мнѣ не много.

Рашель. О! какъ я буду рада, если вы у меня чтонибудь скушаете!

Мать. Говорятъ, что полынная водка очень здорова.

Я. Совсѣмъ нѣтъ. Она вовсе не здорова и даже отвратительна.

Сара. Такъ зачѣмъ же вы хотите пить?

Я. Чтобъ сказать, что и я здѣсь чтонибудь выпилъ.

Рашель. Я тоже выпью.

Она паливаетъ въ стаканъ полынной водки и пьетъ. Ей приносятъ серебряную пуншевую чашу, она кладетъ въ нее сахару и киршу, потомъ зажигаетъ пуншъ; онъ загарается.

Рашель. Мнѣ нравится это синее пламя.

Я. Оно гораздо пріятнѣе въ темнотѣ.

Рашель. Sophie, унеси свѣчи.

Мать. Не надо, не надо! что за мысль!

Рашель. Это невыносимо!... Виповата, мамаша ты такая милая, добрая; (она цѣлуетъ мать) но мнѣ хочется, чтобъ Sophie унесла свѣчи.

Кто-то изъ мужчинъ беретъ обѣ свѣчи, и ставитъ ихъ подъ столъ. Эффектъ сумрака! Мать то зеленая, то синяя попеременно, при свѣтѣ пунша, наводитъ на меня глаза, наблюдая за всѣми моими движеніями. Свѣчи снова появляются.

Одинъ изъ льстецовъ.. Mademoiselle Раблю была вовсе не хороша нынче вечеромъ.

Я. У васъ очень разборчивъ вкусъ: я такъ нахожу, что она не дурна.

Другой льстецъ. Она не довольно умна.

Рашель. Къ чему это вы говорите? Она вовсе не глупѣе многихъ другихъ, и къ тому же, она добрая дѣвушка. Оставьте ее въ покоѣ. Я не люблю, когда такъ говорятъ о моихъ знакомыхъ.

Пуншъ готовъ. Рашель паливаетъ его въ стаканы и раздаетъ всѣмъ; остальное она выливаетъ въ глубокую тарелку, и принимается пить пуншъ ложкой; потому что она беретъ мою трость, вынимаетъ изъ нея кинжалъ, и чиститъ имъ зубы.

Тутъ кончается пустая, дѣтская болтовня. Одного слова достаточно было, чтобъ измѣнить характеръ сцены, и воспроизвести въ этой картинѣ цыганскаго табора поэзію и истиннѣе къ искусству.

Я. Какъ вы прочли это письмо нынче вечеромъ! Вы были очень взволнованы.

Рашель. Да; мнѣ казалось, что у меня внутри какъ будто что-то порвалось. Но все-таки, я не люблю этой піесы (Танкреда). Она не естественна.

Я. Вамъ больше нравится Корнель и Расинъ.

Рашель. Корнеля я люблю; однако же онъ иногда тривиаленъ, иногда черезчуръ падутъ. — Все еще это не истина.

Я. О! потише, mademoiselle Рашель.

Рашель. Посмотримъ: наприимѣръ, въ Гора ии, когда говорить Сабина:

Ou peut changer d'amant, mais non changer d'épouse *).

Ну! это мнѣ не нравится. Это грубо.

Я. Сознайтесь однако же, что это вѣрно.

Рашель. Правда; но достойно ли это Корнеля? Вотъ такъ Расинъ! О! этого я обожаю. Все, что онъ говоритъ, такъ прекрасно, такъ истинно, такъ благородно!

Я. А кстати о Расинѣ. Помните, вы получили когда-то безъ моего письма, въ которомъ вамъ давали совѣтъ на счетъ послѣдней сцены въ Митридатѣ?

Рашель. Какъ нельзя лучше. Я послушалась совѣта, и съ тѣхъ поръ мнѣ анлодируютъ въ этой сценѣ. Вы развѣ знаете того, кто мнѣ писалъ?

Я. Очень. Это женщина самаго большаго ума и съ самой маленькой ножкой во всемъ Парижѣ. Теперь же какую роль вы изучаете?

Рашель. Нынѣшнее лѣто мы будемъ играть Марию Стюартъ; а потомъ Поліевкта, а потомъ, можетъ быть...

Я. Ну-съ!

Рашель. (Ударивъ кулакомъ по столу). Ну! я непременно хочу играть Федру. Мнѣ говорятъ, что я слишкомъ молода, слишкомъ худа, и сотню другихъ глупостей. Отвѣчаю одно: это лучшая роль у Расина, и я хочу сыграть ее.

(*) Любовника переменить можно, жену нельзя.

САРА. Душа моя, ты, можетъ быть, не права.

РАШЕЛЬ. Перестань! Если находятъ, что я слишкомъ молода, и что эта роль для меня не прилична, что жъ? Развѣ я не играла Роксаны? А что я худа; твержу одно: это пустяки! Женщина, съ постыдной любовью въ сердцѣ, которая умираетъ, чтобъ не предаться этой любви, женщина, изсохшая отъ пламени, отъ слезъ, не можетъ имѣть такую грудь, какъ у г-жи Пародоль. Это была бы чистѣйшая бессмыслица. Я въ педѣлю прочла десять разъ эту роль; не знаю еще, какъ я ее сыграю; но утверждаю, что ее чувствую. Журналы, что тамъ ни говори, я все-таки поставлю на своемъ. Въ-сто того, чтобъ помочь мнѣ, ободрить меня, они не знаютъ, что только выдумать, чтобъ постоянно мнѣ вредить, но я, если нужно, буду играть за четверыхъ. (Обращаясь ко мнѣ). Да! я прочла нѣсколько совершенно чистосердечныхъ, — совѣстливыхъ статей, и откровенно говорю, не знаю ничего лучшаго, ничего полезнѣйшаго; но есть столько людей, которые употребляютъ перо свое на то, чтобъ лгать и уничтожать! Эти хуже воровъ, хуже убійцъ. Они умерщвляютъ умъ наколами булавокъ! О! ну право! я такъ бы ихъ и отравила!

МАТЬ. Милая моя, ты все говоришь; ты утомишь себя. Утромъ ты встала въ шесть часовъ; Богъ тебя знаетъ, что сдѣлалось съ твоими ногами? ты не присѣла на мѣстѣ. Цѣлый день ты не умолкала, вечеромъ играла. Ну; право, ты занеможешь.

РАШЕЛЬ. Нѣтъ; оставь меня. Говорю тебѣ, что нѣтъ: это моя жизнь. (Относясь ко мнѣ). Хотите, я схожу за книгой? Мы прочтемъ эту пьесу вмѣстѣ.

Я. Хочу ли! Ничего не можетъ быть для меня пріятнѣе.

САРА. Мой другъ, вѣдь половина двѣнадцатаго.

РАШЕЛЬ. Ну, ступай спать. Кто тебѣ мѣшаетъ?

САРА дѣйствительно отирается спать.

РАШЕЛЬ выходитъ, и скоро возвращается съ томомъ Расина въ рукахъ. Въ ей видѣ, въ ей походкѣ, какая-то торжественность, какое-то благоговѣніе. Можно было принять ее за служителя Божія, идущаго съ священными сосудами въ алтарь. Она садится подлѣ меня снимаешь со свѣчи. Мать засыпаетъ съ улыбкой.

РАШЕЛЬ. (Съ какимъ-то почтеніемъ раскрывая книгу, и склоняясь на нее головою). Какъ я люблю этого чело-вѣка! Лишь только взгляну въ его книгу, то готова цѣлыя двое сутокъ ни пить, ни ѣсть!

Мы начинаемъ читать Федру; книга лежитъ на столѣ между нами. Всѣ уходятъ. Рашель легкимъ наклопеніемъ головы привѣтствуетъ уходившихъ, продолжая читать. Сперва голосъ ея монотоненъ, какъ литанія, но мало-по-малу она оживляется. Мы передаемъ другъ другу свои замѣчанія, свои мысли. Наконецъ присту-

паемъ къ объясненію. Тогда, протянувъ правую руку на столѣ, склонивъ на лѣвую голову, и опершись на локоть, она предается совершенно чтенію. Однако же она все еще говоритъ въ полголоса. Вдругъ глаза ея загараются; гений Расина освѣщаютъ ее лицо, она то блѣднѣетъ, то краснѣетъ. Нѣтъ, никогда не видалъ я ничего прекраснѣе, ничего интереснѣе этого! Никогда въ театрѣ не производила она на меня подобнаго впечатлѣнія!

Утомленіе, маленькая охриплость, пуншъ, поздній часъ, почти лихорадочное одушевленіе ея хорошенькаго личика, окруженнаго спальнымъ чепчикомъ, какая-то непостижимая прелесть, разлитая во всемъ существѣ ея, эти блестящіе вопрошающіе меня взгляды эта дѣтская улыбка, проскользавшая во всемъ этомъ, — наконецъ, даже этотъ столъ, полный безпорядка, это трепещущее пламя свѣчи, эта мать, заснувшая подлѣ насъ, все это вмѣстѣ составляло картину, достойную кисти Рембрандта, главу романа, достойную пера творца Вильгельма Мейстера, и воспоминаніе изъ жизни артистки, которое никогда не истребится изъ моей памяти.

Полночь. Возвращается отецъ изъ оперы, гдѣ онъ только что видѣлъ m-lie Nathan, дебютировавшую въ Жидовкѣ. Едва успѣвъ сѣсть, онъ обращается къ дочери съ грубыми словами, приказывая ей прекратить чтеніе. Рашель закрываетъ книгу, говоря: «это возмутительно! Куплю кремль и огниво, и буду читать одна въ постели.» Я смотрю на нее: двѣ крупныя слезы висятъ на ея рѣсницахъ.

И въ самомъ дѣлѣ возмутительно было видѣть такое обращеніе съ подобнымъ созданьемъ! Я всталъ, и удалился, исполненный удивленія, почтенія, и растроганный до-нельзя.

Возвратясь домой, я спѣшу съ точностію стенографа описать вамъ всѣ подробности этого страннаго вечера, въ тѣхъ мысляхъ, что вы ихъ сохраните, и что нѣкогда ихъ найдутъ.

NB. Поэтъ не ошибся: этотъ документъ былъ тщательно сохраненъ. Хотя письмо и не отмѣчено числомъ, но это число обозначается обстоятельствами разсказа.

Mademoiselle Nathan дебютировала въ Жидовкѣ 29 мая 1839, а французскій театръ въ тотъ же вечеръ давалъ Танкреда. Итакъ очевидно, что письмо было писано въ ночь съ 29 на 30 мая. Различные голоса критики тогда еще не соединились о достоинствѣ молодой трагической актрисы. Какъ всего чаще случается, вкусъ публики предупредилъ тѣхъ, которые намѣревались управлять имъ. За два мѣсяца передъ прочитанной сценой 27 марта 1839, mademoiselle Rachel, въ роли Роксаны, была два раза освистана.

СВѢТСКОЕ ДОБРОДУШІЕ.

— Графиня, вы вѣдь знаете mademoiselle Мери?

— Прекрасная дѣвушка!

— Вообразите же: меня наединѣ увѣряютъ, что у нея была эскапада съ какимъ-то гусаромъ, что они уѣхали въ Тверь; отецъ въ погоню, а вечеромъ парочко повезли ее въ театръ, будто ни въ чемъ не бывало!

— Не говорите, Анна Петровна. Свѣтъ нынче такъ золь, такъ золь! Мнѣ, пожалуй, божились, что Мери — право, страшно выговорить! — вздила по маскарадамъ съ какимъ-то учителемъ. Мать, видите, ее уложитъ, перекреститъ, а она и упорхнеть.

— А правда, что у ней бокъ кривой?

— Полноте?

— Мнѣ говорила ея портниха.

— Что она блится и румянится, это я знаю навѣрное: я разъ видѣла ее утромъ въ дезабильѣ — совсѣмъ не то лицо.

— Бѣдныя эти дѣвушки, право! чего нынче на нихъ не выдумаютъ!

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА

«РАЗВЛЕЧЕНІЯ».

Тверской бульваръ. — Его стереотипные посѣтители. — Стѣна изъ криволиновъ. — Стихотвореніе И. С. Аксакова. — Стихотворенія В. И. Красова. — Стихотворенія Ф. Б. Миллера. — Слухи о новыхъ журналахъ. — Журналъ-ресторанція для приходящихъ и пріѣзжающихъ. — «Современность». — Кое-что по поводу какого-то толчка какому-то предрасудку. — Veni, vidi, vici. — Географія осталась влѣво. — *Beatus ille qui procul seminario!* — Нѣмцы коснѣютъ въ своемъ пуританизмѣ.

Какъ-то на дняхъ почти свѣтило солнце, и фельетонистъ «Развлеченія» очутился на Тверскомъ бульварѣ.

Царь бульваровъ, несмотря на то, что онъ царь не только московскихъ, но и всѣхъ бульваровъ, и что въ Москвѣ, какъ всѣ говорятъ, ходитъ пѣшкомъ негдѣ, былъ пустъ. Желто-сырая лента его тянулась впередъ, кое-гдѣ лишь оживленная движущаяся точкою. Вотъ попалась мнѣ гувернантка съ двумя милыми дѣтьми, разодѣтыми ужъ до того, что издали я было-принялъ ихъ за ученыхъ собачекъ.... Вотъ сторонкою мальчикъ пронесъ столикъ, закрываясь имъ какъ зонтикомъ.... Вотъ старичокъ въ вытертомъ пальто, съ сѣдою бородой, въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и кокардой и съ неутомимо-бѣгающими глазками, — старичокъ, воюющій собою для меня вѣчнаго жида.... Вотъ генералъ съ злобно-нафабранными усами, прототипъ мирнаго славянского Марса, не преслѣдующій Беллону, а отыскивающій вездѣ богатыхъ невѣстъ, не исключая, говорятъ, и Тверскаго бульвара.... Вотъ женщина, по крайней мѣрѣ десять лѣтъ увѣряющая меня, что она вчера обожгла себѣ руку, оттого не можетъ работать и проситъ на пропитаніе, — гадкая лгунья съ красными глазами, за которую мнѣ всякій разъ столько же совѣстно, сколько завидно смотрѣть на моего генерала, разносящаго на лицѣ такую благородную увѣренность въ своемъ достоинствѣ.... Вотъ и казакъ, сынъ Урала или Дона, котораго я вижу на одномъ и томъ же мѣстѣ съ тѣхъ поръ, какъ меня начали водить по Тверскому бульвару, и о которомъ я долго думалъ, что онъ никогда не сходитъ отсюда; но такъ какъ я прежде видѣлъ его въ высококомъ киверѣ и длинной шинели, похожей на футляръ старинныхъ часовъ, а теперь онъ въ пальто и мѣховой шапкѣ, то я догадываюсь, что казакъ сходилъ домой и переодѣлся.... Вотъ вѣчный продавецъ тросточекъ, которому, если вы сторгуете у него тросточку, я совѣтую вамъ отдать съ деньгами и тросточку, потому что вы, все равно, не допесете ее цѣлою до конца бульвара, развѣ онъ дастъ вамъ и футляръ къ ней....

Однакожь, всѣ эти лица, такъ давно знакомыя и мнѣ, и вамъ, мой читатель, разумется, не оживили для меня бульвара, и я сталъ подвигаться впередъ, къ Тверскимъ воротамъ, съ намѣреніемъ идти съ бульвара и отправиться поглазѣть подальше, гдѣ бы встрѣтились люди: — когда октябрь вступитъ у насъ въ свои права, природа не должна претендовать, ежели мы ею не довольствуемся, не любуемся

на голыя вѣтки и кучки мокраго желтаго листа, а ищемъ немножко и людей.

Только-что сложилъ я мысленно этотъ извинительный аргументъ, которымъ считалъ себя обязаннымъ родимому пейзажу, для чего я, конечно, былъ классически углубленъ въ кашнэ и отъ чего до чрезвычайности сократился горизонтъ моего зрѣнія, — глядь. . . . передо мной стѣна. . . . три кринолина, или три дамы въ кринолинахъ. Этотъ раз-вернутый фронтъ занималъ какъ-разъ ширину бульвара, и мнѣ оставалось одно изъ двухъ: или пробиваться сквозь него съ тыла, или предпринимать обходъ. Разумется, я предпочелъ послѣднее, и поступилъ обходительно. Перейдя, съ такою цѣлью, на боковую дорожку, я, какъ вы сами догадываетесь, оглянулся, любопытствуя видѣть лица владѣтельница кринолиповъ. Между тѣмъ, понятно, что во мнѣ мгновенно созрѣла громовѣйшая изъ филиппикъ противъ кринолина, только вы не получите моей филиппики. Впер-выхъ, на сей разъ филиппика, возбужденная страстью, могла бы показаться не безкорыстною; а ввторыхъ, я предлагаю и себя и всѣмъ моимъ собратамъ по фельетону пре-кратить филиппики противъ кринолина: онъ начинаетъ уби-вать себя; дѣйствительно-порядочныя женщины, и даже им-ператрица Французовъ, уже отеклись отъ него, а мы, чего добраго, дадимъ ему средство интересничать, прослыть го-пимымъ, и такимъ образомъ, пожалуй, вызовемъ реакцію въ его пользу, отъ чего Боже оборони. Такъ будемте же молчать о кринолипѣ, и поповоль будемъ молчать о Твер-скомъ бульварѣ, такъ-какъ о немъ сказать рѣшительно ве-чего.

....Въ послѣдней книгѣ «Русской Беседы» я пахожу сти-хотвореніе И. С. Аксакова, которое не могу здѣсь не вы-писать:

Зачѣмъ душа твоя смирна?
Чѣмъ въ этомъ мѣрѣ ты утѣшенъ?
Твой праздный день предъ Богомъ грѣшенъ,
Душа призванью не вѣрна!
Вокругъ тебя кипятъ задачи,
Вокругъ тебя мольбы и плачи
И торжествующее зло,
А ты. . . . Ужель хотя однажды
Ты боевой не свѣдалъ жажды,
Тебя въ борьбу не увлекло?

*

Ты возлюбилъ свое бездѣлье
И сна душевнаго недугъ,
Въ пустыхъ рѣчахъ, въ тупомъ весельѣ,
Чредою гибнетъ твой досугъ.
На царство лжи глядя незлобно,
Ты примиряешься удобно
Съ неправдой быта своего,
Съ уродствомъ всѣхъ его увѣчій,
Не разяснивъ противорѣчій,
Не разрѣшая ничего!

*

Предъ Богомъ лѣнью не грѣши,
Страхни ярмо благоразумья,
Люби ревниво, до безумья,
Всѣмъ пыломъ дерзостной души!

Освободись въ стремленѣ новомъ
Отъ пѣна ложнаго стыда:
Позоръ, греми укорнымъ словомъ,
Подъемя насъ всевластнымъ зовомъ
На тяжесть общаго труда!

*

Безумцемъ слыть тебѣ у всѣхъ!
Но для святыни убѣжденья
Полезнѣй казни и гоненья,
Чѣмъ славы суетной успѣхъ.
О, въ этой душевной нашей ночи
Кому изъ насъ безстрашной мочи
Достанетъ правду возлюбить?
Кто озаритъ насъ правды свѣтомъ?..
Однимъ безумцамъ въ мѣрѣ этомъ
Дано лучей ея добыть!..

Я рѣшительно не знаю, къ кому обращена мысль г. Ак-сакова, но господа, не слѣдуетъ ли всѣмъ намъ болѣе или менѣе.... высморкаться?

«Кто озаритъ насъ правды свѣтомъ?
Однимъ безумцамъ въ мѣрѣ этомъ
Дано лучей ея добыть!»

Что касается до меня, хорошо, что я пишу не передъ зеркаломъ, какъ, говорятъ, пишетъ новый поэтъ: пришлось бы завѣсить зеркало....

Вышли «Стихотворенія» В. И. Красова и второе изданіе первой части «Стихотвореній» Э. Б. Миллера.

Стихотворенія Красова изданы со тщательностію, кото-рой рѣдко удостоивались у насъ и первоклассные писатели: имъ предпосланы полный библиографическій указатель и пре-дисловіе, которое дѣлаетъ честь уваженію издателя къ по-эту. Ежели вамъ, какъ мнѣ, имя покойнаго Красова напо-мнитъ цвѣтущее время «Отечеств. Записокъ», въ которыхъ онъ тогда печатался, время «Писемъ объ изученіи природы» и Бѣлинскаго, нашего великаго учителя, у котораго мы вы-учились впервые думать, то вы, безъ сомнѣнія, приобрѣтете книжку «Стихотвореній» В. И. Красова, и, по-моему, съ-лаете не дурно.

О «Стихотвореніяхъ» Э. Б. Миллера, какъ здѣшняго хо-зяина, говорить не приходится. Изданіе красиво и не дорого.

Есть въ Москвѣ еще литературныя повости, но куда болѣе въ воздухѣ, нежели въ печати.... Сильно поговарива-ютъ объ одной ежедневной политико-литературной газетѣ, имѣющей издаваться лицомъ, пользующимся значительной репутацией въ литературномъ мѣрѣ.

Будетъ, увѣряютъ меня, издаваться еженедѣльный лите-ратурно-промышленный листокъ за 1 р. 50 коп. въ годъ. Въ добрый часъ, господа!

Но вотъ я думаю, и пущѣ. Предпринимается будто бы журналъ, который ужъ не знаю за сколько рублей въ годъ, общается давать своимъ подписчикамъ неслыханныя пре-мія: московскіе могутъ во всякое время заходить въ кон-тору и требовать чай, кушанье, мороженое, прохладитель-ные напитки, а иногородные, прѣѣзжая въ Москву останав-ливаться въ конторѣ журнала и спрашивать рѣшительно все, что имъ угодно: даже билеты въ театръ, въ Ломакинскія ба-ни и рекомендаціи ко всевозможнымъ домамъ, болѣе или менѣе падкимъ на знакомство.

(Рис. С. А. Любовникова.)

- Что жь это вы? не на службѣ?
- Виновать, ваше прев—ство, я никакъ не думалъ встрѣтить васъ сегодня у моей жены....
- Это.... можетъ повредить вамъ по службѣ.
- Помилуйте, ваше пр—ство! я впередъ буду исправитъ.

- Ваше превосходительство, все наши чиновники получили награды, а мой мужъ который годъ ничего не получалъ.
- Въ будущемъ году я представлю его къ Станиславу.
- А я въ будущемъ году постараюсь поздравить васъ съ Владимиромъ; только ужь и вы, душка, постарайтесь.

Виновать, главное—то чуть было не забылъ. Будетъ издаваться съ новаго года еженедельный журналъ «Современность», который, между прочимъ: только между прочимъ, объясняетъ трактовать *de omni re scibili et quibusdam aliis*, а за это предлагаетъ право читать въ его редакци ТРИСТА другихъ журналовъ. Это не пухъ, потому что это напечатано. Пожелаемъ успеха «Современности» и побъжимте подписаться на нее, чтобы поскорѣе получить за 14 р. с. привилегію зачитываться до обморока.

Что—то такое читалъ я на дняхъ въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» о нѣкоемъ г. Чернышевѣ, имѣвшемъ дать какой—то толчекъ какому—то предразсудку. Затѣмъ г. Чернышевъ, дворянинъ по рожденію, два три—раза выходилъ на сцену. Не охотникъ до зрѣлища неловкихъ положеній, я при выходахъ этихъ не присутствовалъ, но слышалъ, что они были довольно неудачны. Какой же толчекъ и какой предразсудокъ разумли «Полицейскія Вѣдомости»? Ежели еще и живъ действительно въ весьма немногихъ индивидуумахъ предразсудокъ, будто дворянину, имѣющему могучее

призваніе къ тому или другому искусству, слѣдуетъ не изошрять его, а зарывать подъ спудомъ дворянскаго тунеядничества и бюрократическаго честолюбія, кому же лежащій и умирающій и безо всякаго толчка помъшаетъ слѣдовать по пути своего дарованія? Но съ другой стороны не опасно ли, а еще чаще, не смѣшно ли отыскивать въ себѣ дарованіе насильно, или безъ достаточныхъ оснований выскрывать изъ своей среды на судъ общественный, который, въдь, безцеремоннѣе, за то правдивѣе, суда вашихъ друзей или суда какой—нибудь сотни любезныхъ дамъ и таковыхъ же кавалеровъ, собравшихся, напримѣръ, будто во имя бѣдныхъ смотрѣть васъ. Симъ послѣднимъ смѣло несите на жертву и бездарность: они переварятъ ее преблагополучно. Но когда вы выступаете на публичную арену, не забудьте прихватить действительныя права на вниманіе, — родословная же ваша есть ли при васъ, нѣтъ ли — кому какое дѣло?.. У меня есть одинъ пріятель, который въ дѣтствѣ удивительно танцевалъ *матлотъ*. Маменька его гордилась этимъ матлотомъ, какъ нѣкогда Ксенофонтъ своимъ отступленіемъ.

Матлотъ показывали по десяти разъ на день, всякому, кто бы только ни прѣхалъ. Когда я спрашиваю моего пріятеля, почему онъ не пошелъ въ балетмейстеры или, по крайней мѣрѣ, въ матлотмейстеры, онъ отвѣчаетъ:

— Я считаю, что лучше быть даже посредственнымъ помѣщикомъ, нежели плохимъ хореграфомъ.

Я нахожу, что пріятель мой правъ.

.....
.....
.....

— Что это тутъ написано: «veni, vidi, vici»? спрашиваетъ своего супруга шапошница улицы Сэн-Дени, указывая на одну изъ триумфальныхъ арокъ, воздвигнутыхъ по случаю вступленія въ Парижъ, италіанской арміи.

— А это имена генераловъ, которые отличились подъ Солферино, отвѣчаетъ, не задумываясь, супругъ.

Россійское — въ *pendant*.

Офицеръ, вспоминая о своемъ плѣнѣ у Австрійцевъ во время венгерской кампаніи, увѣрялъ, что, по заключеніи міра, австрійскій императоръ былъ ужасно милостивъ къ плѣннымъ и приказалъ имъ показать все, а *pour la bonne bouche* отправилъ ихъ по желѣзной дорогѣ въ Лондонъ.

— Какъ, прямо въ Лондонъ? спрашиваетъ слушатель.

— Прямо въ Лондонъ?

— Вы географія въ глаза не видали?

— Она у насъ осталась вѣвво.

Еще три строчки.

Нѣкто подарилъ 200 р. ученикамъ какой бы ни было семинаріи. Семинаристы приходятъ къ ректору, и просятъ позволенія купить на эти деньги книгъ.

— Зачѣмъ вамъ книгъ? говоритъ ректоръ. — Я велю вамъ купить чаю.

И былъ купленъ цибикъ затхлаго чаю, и былъ чай развѣшанъ по цифрѣ учениковъ, и получилъ каждый свою долю — всѣ поровну. *Beatus ille qui procul... seminario*, что по-русски пусть значитъ: блаженъ тотъ, кто и въ семинаріи пьетъ чай, — тому печего отчаяваться.

А Пѣмцы продолжаютъ преслѣдовать канканъ, и танцующихъ его — до подъезда! *Meine Herren, meine verehrtesten Herren*, кто же будетъ танцовать вамъ гротфатеръ?

Беарскихъ пѣвцовъ, которые пѣли въ Бюргеръ-клубъ, я не слышалъ, потому что въ одиннадцать часовъ, когда я прѣхалъ, ихъ уже не было. Говорятъ, и ихъ тоже вывели за то, что который-то изъ нихъ пустилъ одну, не достаточно *ehrbare*, ноту, въ которой бюргеру-эстетику послышалось слово *канканъ*.

Не я.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Петербургская «Компанія свободной промышленности» предлагаетъ почтеннѣйшей публикѣ отдавать для провѣтрива-

нѣя, въ нарочно устроенныя для того компаніею комиссіонныя заведенія,—шубы, шинели, пальто, салопы, бурнусы, шали и прочія принадлежности дамскаго и мужскаго туалета *); также принимаетъ въ передѣль часы, кольца, браслета, серьги, броши, золотыя, серебряныя и даже хорошія лукутинскія изъ папье-маше табакерки и тому подобныя галантерейныя издѣлія. Компанія занимается также *отыскиваніемъ* сакъ-вожжей, бумажниковъ, портъ-сигаръ, тростей и портъ-моне съ депьгами, безнадежно потерянныхъ ихъ владѣльцами. Однимъ словомъ, предлагаетъ публикѣ свои посильныя услуги во всѣхъ родахъ вышеозначенной промышленности. Желающіе имѣть съ Компаніею дѣло, могутъ встрѣтить агентовъ ея отъ 9-ти часовъ вечера до 2-хъ или 3-хъ часовъ утра на многихъ, преимущественно, отдаленнѣйшихъ и немногочисленныхъ переулкахъ Петербурга. Центральное же управленіе Компаніи, равно какъ и главное складочное депо, находится на толкучемъ рынкѣ.

Объявленіе это мы печатаемъ безъ вѣдома означенной Компаніи, единственно въ видахъ безкорыстнаго желанія добра публикѣ, и даже подвергаемся этимъ, можетъ быть, гнѣву почтеннѣйшей Компаніи, которая, какъ слышно, никакихъ публикацій о своихъ дѣйствіяхъ терпѣть не можетъ и страшный врагъ всякой, сколько нибудь, велегласной гласности.

Спекулянтъ-издатель ищетъ занять капиталъ во 100,000 руб. серебр., съ вѣрнымъ обезпеченіемъ онаго правами на разныя, недоданныя публикѣ, изданія. Капиталъ этотъ предназначается на продолженіе издававшейся имъ во время оно, Энциклопедической азбуки, остановившейся, сколько можно припомнить, на буквъ М, на словъ: *Мошенникъ*.

Пишущій эти строки осмѣливается, по примѣру прежнихъ лѣтъ, питать себя лестною надеждою, что при обширности Россіи, вѣроятно, найдется еще такое лицо, которое одолжитъ ему вышенпрописанную сумму на весьма короткое, по неопредѣленное время, хотя бы по 1000% на годъ.

Адресоваться съ означеннымъ капиталомъ покорнѣйше просятъ: на Васильевскій островъ въ 38-ю линію, въ домъ Королева; а ежели обстоятельства *поблагоприятствуютъ*, то: въ Парижъ, въ улицъ «*Grand flou*», въ домъ по № 13, спросить господина, спекулирующаго аферами на Русскую довърчивость.

*) Для громоздкихъ вещей, какъ-то: кринолиновъ, бочекъ, воздушныхъ шаровъ, экипажей, зѣтривыхъ кѣтокъ и проч. имѣется при Компаніи особое храненіе.

Редакторъ *Ө. Миллеръ*.